

Труда, 1964, 25 окт.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

1

ЗАВТРА в московском кинотеатре «Космос» состоится не совсем обычная премьера: на экраны страны вновь выходит фильм «Молодая гвардия». Для тех, чья юность прошла в пороховом дыму войны, новая встреча с героями Краснодона — это такое воспоминание, перед которым бессильны годы, безоружно время. Для тех, кому сейчас семнадцать, — это уже история. Но второе рождение фильма недаром приурочено к славному юбилею Ленинского комсомола: ведь «Молодая гвардия» и комсомол — понятия неразрывные. История жива...

Мы попросили исполнительницу роли Уля Громовой актрису Нонну Мордюкову поделиться с нашими читателями своими воспоминаниями о съемках «Молодой гвардии». Публикуем ее рассказ.

себе роль Ульяны Громовой. Началась работа.

День был заполнен до отказа. Днем институт, а вечером репетиция в театре-студии киноактера. С. А. Герасимов, и в роли режиссера оставаясь педагогом, осторожно и умело приравнивался к нашей профессиональной неопытности. И как правильно, что сначала он сделал спектакль «Молодая гвардия!» На зрителе наше исполнение окрепло и отшлифовалось.

Когда мы приехали на съемки в Краснодар, нам уже не потребовалось разучивать роли.

С тех пор прошло немало времени, но для нас этот период останется самым дорогим. Разве можно за-

быть, как мы волновались: вдруг родителям молодоговардейцев и их друзьям не понравится подбор кандидатур на те или иные роли! К великому нашему удивлению, мы были встречены очень сердечно. Краснодарцы по-дружески подбадривали нас, угадывали, кто какую роль будет играть: «Вон, вон видишь, парень в тенниске — это, наверно, Олег Кошевой. А вон Ульяна... А вон Любка Шевцова».

Прежде всего мы, конечно, познакомились с родителями молодоговардейцев, пригласили всех к себе в гости, у них побывали.

Как билось мое сердце, когда я впервые вошла в комнатку Ульяны Громовой, встретилась с ее матерью, отцом, братом и племянницей. Я жадно вбирала каждую деталь! Ульяна и ее мать были похожи друг на друга, как две капли воды. Черные очи пожилой женщины смотрели на меня придирчиво и внимательно... Как я была счастлива, когда женщина через какое-то время посветлела и подбадривающе провела ладонью по моей голове: «А они правильно подобрали тебя... Ты похожа на Ульяну... Волосы только у нее почерней были и кожа побелей...»

Показала она мне стол Ульяны, кровать, вышивки, рисунки, фотогра-

фии и, наконец, книги... Вот я вижу — ногтем вдавлены линии под теми или иными строчками. Вот-вот, кажется, появится Ульяна и изумится «хозяйничанью» в ее уголке. Выходим за калитку... Палисадник с цветами... Здесь дубки, чернобричвики, паньчи...

— Вот это, — указывает рукой мать, — Ульяна цветы развела...

Да... цветут эти цветы, осенью отцветают, сыплют семена, а весной растут, напоминая о своей прежней хозяйке...

Начались съемки, на которых всегда присутствовали краснодонцы. Особенно волновались мы перед съемкой эпизода казни молодоговардейцев. Пришло много народу, все плакали, вспоминая ту ночь, когда полицейские учинили кровавую расправу, как несколько дней доносились стоны из разрушенной шахты. Вспоминали и то, как стояла толпа краснодонцев у этой же шахты в день прихода Красной Армии. Каждая из матерей надеялась, что ее-то дочери или сына, может быть, тут не окажется...

Так как же было не вложить всю душу свою в рассказ о том, какими были молодоговардейцы! Мы все, снимавшиеся в фильме, считаем, что нам была оказана великая честь — воплотить на экране образы лучших представителей нашей молодежи — героев Краснодона.

Пятнадцать лет прошло с момента выхода на экран «Молодой гвардии». Все это время в кинемагографе шли непрерывные поиски новых изобразительных средств, новых поэтических форм. И тем не менее картина не устарела за эти годы. Не устарела потому, что она снята, так сказать, в той самой классической манере, которая никогда не увядает, — с предельной затратой души и сердца. Искренность, страстность, любовь и уважение к нашим героям — вот что руководило всей съемочной группой во главе с С. А. Герасимовым. А это, на мой взгляд, и есть самое главное.

Нонна МОРДЮКОВА.

ВНЕЗАПЫВАЕМОЕ

ПА МОЮ долю, как и на долю многих советских людей, выпала нелегкая судьба — испытать все тяготы войны: оккупацию, разруху, голод, нужду. В нашем колхозе, в станице Отрадной, а потом и в хуторе Первомайском была группа молодежи, которая боролась с самозванными «новыми хозяевами» — оккупантами. Мы, правда, не совершали ничего сверхгероического, но пользу своему колхозу принесли.

Вспоминаю такой случай. Немцы угоняли в Германию скот, а мы решили сохранить его. Руководил нами местный комсомолец тракторист Сергей Середин. Это был смелый и находчивый парень. Он стал думать, как спасти народное добро. Упря-

тать незаметно крупный рогатый скот было не так-то просто.

Наша семья — три сестры, брат, мать и отец — жила в это время в степи на колхозном стане. Мать была коммунисткой, и председатель колхоза решил, что нам безопаснее держаться подальше от глаз полиции.

Жутко бывало зимними вечерами. За окном завывала вьюга, на семь километров вокруг — ни души, нашу летнюю постройку сотрясает ледяной ветер. Поутру, вставая, мы спрашивали: «Мама! Сегодня каша с солью будет?» Соль ценилась на вес золота (помню, как одна женщина за стакан соли отдала гардероб)...

А по ночам раздавался вкрадчивый стук. Навешивалось одеяло, зажигалась копилка, и входили люди в полушубках, вооруженные автоматами и пистолетами. Это были партизаны Александров, Князев, Зайчук. Они приносили газеты. Как важно было во время оккупации знать истинное положение на фронтах! Моей матери надлежало со слов партизан информировать людей, что она и делала. Моей же аудиторией, естественно, была молодежь.

Сейчас, может быть, это выглядит не так значительно, но тогда это было крайне важно, это была надежда.

И вот однажды утром пришел Сергей Середин. Он предложил держать колхозный скот у нас на стане, в нескошенной кукурузе. Сам же Сергей, недолго думая, надел солдатскую шинель и на рукав прикрепил белую повязку, на которой сажей написал немецким шрифтом: «Полицай». Ночью скот пригнали, зашумела кукуруза, замелькали среди стеблей спины коров и лошадей. Полицаям и немецким офицерам, которые появились поблизости, Сергей объяснял:

— На Зеленчук гоним... Сейчас передохнем и дальше двинемся...

Так и «передыхали», пока не появились наши войска.

Не велики, может быть, были наши

дела, но велик был дух молодежи, велики были честность и преданность людей, окружавших меня в то время. Прошло несколько лет. Я, уже окончив четвертый курс Всесоюзного государственного института кинематографии, еду на каникулы к себе домой. Приезжаю и узнаю, что вышел роман Фадеева «Молодая гвардия». Мы с подружкой почти бежали в библиотеку и там сидели, не шелохнувшись, читали... Трудно выразить восхищение романом. Сколько было переживаний! Была гордость за то, что и мы тоже в чем-то похожи на молодоговардейцев. Все участники «Молодой гвардии» были мне дороги, всех я любила от чистого сердца. По возвращении в институт я вдруг узнаю, что С. А. Герасимов силами своего курса задумал ставить фильм «Молодая гвардия».

Вот тут-то и начались мои мучения. Я завидовала его ученикам, которые репетировали будущую картину. Я ревновала. Не только я, но и другие мои сокурсники — Сергей Гурзо, Тамара Носова, Вячеслав Тихонов, Володя Иванов — с завистью заглядывали в аудиторию Герасимова. И как же безмерно было наше счастье, когда нас пригласили на пробные репетиции. Я к этому времени облюбовала